

Все равны мы — гранды и простые,
пока длится сновиденье.

Lone de Vega

Часть I

Валерия стояла перед чистым холстом в раздумьях. Уже несколько лет, которые совпали с кризисом среднего возраста, как она стала сомневаться в своём ремесле. Она устала от самоотверженной работы, но усилия, казалось, почти не

приближали её к ответу на поставленный ещё в детстве вопрос: «а как по-настоящему?».

Даже ребёнком она недоверчиво относилась к устройству мира, подозревая, что за видимым простирается другое, невидимое пространство, которое от неё почему-то скрывают. Пристально глядя в небо или слушая сказку, хмуро интересовалась: «А как по-настоящему?» Сначала взрослые терпеливо объясняли: «...и по-на-

стоящему небо, и по-настоящему собака, дерево, бублик, баба яга», но потом отвечать перестали и прозвали неутомимую искательницу истины — Фомой Неверующим — Фомкой для домашних. И только няня относилась к недоверчивому ребёнку с пониманием. По-видимому, у неё самой накопились вопросы. Семья жила рядом с Новодевичьим монастырём и кладбищем, куда няня водила Леру гулять. Она читала вслух эпитафии, вычисляя возраст усопших. Чем моложе был преставившийся (хотя бы даже в минувшем веке), тем жалостливей звучал её голос, и девочке становилось спокойно. Родители Леры даже не подозревали, сколько времени те проводят среди мёртвых. Лера помалкивала, чувствуя, что им это может не понравиться.

Лерин дед, при котором начала службу няня, был похоронен на Новодевичьем, и по деревенской наивности та надеялась, что и ей найдётся здесь место. Она говорила раздумчиво:

— Вот, Лерочка, живём мы напротив кладбища, а помрём — будем жить напротив своего дома.

И... как в воду глядела. Когда пришло время, папе удалось договориться и подзахоронить её прах в дедову могилу. После смерти няни

Валерия решила стать живописцем, — здесь, как ей казалось, она быстрее приблизится к сути вещей. К середине 90-х она стала известным в узких кругах художником, и её пригласили преподавать в небольшой университет в «медвежьем углу» на северо-западе Канады.

Несмотря на то что Лера родилась и всегда жила в северном климате, она так и не привыкла к холоду. Но в том году зима была особенно безнадёжная — снежная и длинная до невозможности. Сугробы стояли такие высокие, что обычно плоская, как стол, земля вдруг превратилась в горную страну с холмами и долинами. Всю зиму снег свозили на огромные пустыри вдоль хайвея, где горы поначалу поражали высотой и белизной. Весной они никак не таяли, а только оседали и становились чёрно-бурыми от выхлопных газов. Такое безобразие продолжалось до мая. Короче, в тот год достала зима безумно — шесть месяцев белых мух и мутных ледяных потоков. У Леры начинался академический отпуск, и она собралась в Москву с остановкой в Мадриде. Кроме туристического любопытства и жажды тепла, она хотела увидеть подлинник картины Веласкеса «Менины», репродукция которой висела у неё в Москве, а по-

Марина Яковлевна Попова — художник и прозаик. Родилась в Киеве, училась в Москве, живёт и работает в Монреале и Москве. Занимается живописью и монументальным искусством. Участник многих выставок в разных странах. Работы находятся в частных и музейных коллекциях (в Третьяковской галерее, Русском музее, Министерстве иностранных дел Канады и др). Автор монументальных росписей в США, Канаде, Китае, Аргентине, России. Член Московского союза художников. Проза опубликована в журналах «Знамя», «Сноб», «Литературные знакомства», в сборниках «Ностальгия», «Птичий рынок», «Без очереди» и др.

том, малость одряхлевшая, переместилась на стену нынешней мастерской.

«На протяжении веков эта работа интриговала многих и считалась одним из высших достижений мировой живописи», — много лет назад рассказывала студентам Инесса Гансовна — её любимая преподавательница по истории искусств. Тем неприятней был конфуз, связанный с той лекцией...

В тёмной аудитории мирно звучал её голос, уютно светился экран, пощёлкивал проектор, меняя слайды — идеальные условия для невыспавшейся студентки....

— Недаром Бенуа называл «Менины» царицей живописи, — торжественно рассказывала Инесса Гансовна. — Художник, — она указала плавной рукой на левую половину экрана, — застыл перед холстом, повернутым к зрителю обратной стороной. Нам не дано узнать, остановился ли он перед последним завершающим мазком или ещё не начатой работой! Это как бы картина в картине; здесь много загадок, над разгадкой которых бьются искусствоведы всего мира.

Она помолчала и как-то удивлённо добавила:

— Есть много версий, объясняющих замысел художника, но все они противоречат друг другу. Разберём некоторые из них...

Это было последнее, что услышала Валерия. Она спала. Голова её откинулась назад, рот открылся, и она всхрипнула, закашлялась, задохнулась... Спросонья она заме-

талась и вдруг поняла, что Инесса прервала лекцию и изумлённо смотрит в её сторону. Вероятно, сон был короткий, так как слайд оставался прежним. От сквозняка (дверь в аудиторию была открыта) экран вместе с персонажами на картине слегка шевелился, а свет проектора частично высвечивал лицо преподавательницы, отчего оно казалось удачно вписанным в общую композицию. Несмотря на конфуз, Валерия успела отметить сходство с инфантой — словно это был портрет Инессы Гансовны в детстве.

Валерия закрыла рот, а преподавательница продолжила лекцию, поменяла слайд, оставив студентку в неведении, в чём заключался таинственный замысел Веласкеса. С тех давних пор репродукция «Менин» всегда была при ней; Лера подозревала, что ответ на её не проходящее «а-как-по-настоящему» может скрываться в этой картине.

Старания Валерии проникнуть в скрытый смысл вещей привели её, тренированную в академическом духе, к абстракции. Много месяцев в году перед глазами простиралась снежная равнина. В этом маловыразительном пейзаже Лера, как нигде, ощущала первозданный замысел, который она пыталась передать в живописи минимальным движением белого цвета — ей казалось, что она вот-вот заглянёт по ту сторону границы. Она утопала в пространстве холста, и это были счастливейшие минуты творчества. Но по прошествии времени разгадка опять затуманивалась и ускользала, ответ не

находился, и она начинала сначала. И в жизни, и в искусстве Валерия собирала отдельные элементы головоломки, из которых надеялась воссоздать более цельную картину мира. Ей, агностику, трудно приходилось самостоятельно вычленять из хаоса что-то подобное порядку.

Тут наступил кризис среднего возраста, метания, разочарования и вообще — проблема с культурным накоплением человечества.

«Когда увеличивается виртуальное пространство — уменьшается реальное, — думала Валерия, — и ря-

довые художники только засоряют землю, а место остаётся для исключительно выдающихся личностей, ну, как Пикассо или Веласкес. Хотя, — продолжала она рассуждать, — многие считают, что ремесленники как раз и удобряют землю, но я-то не хочу становиться удобрением».

Подобные настроения отчасти объяснялись тем, с чем ей недавно пришлось столкнуться...

Каждый год во время летнего отпуска или в рождественские каникулы она ездила домой, в Москву. В тот раз в её квартире ещё не закончился

ремонт, и она ночевала на Масловке, в мастерской однокурсницы по Суриковскому институту. Соседкой её оказалась древняя старушка-художница — одинокая, с согнутой пополам спиной и пергаментной кожей на хрупких косточках. Мастерская её была забита картинами, папками, рисунками, записями — всем тем, что может натворить творческий человек за долгую жизнь. В работах её заметно было влияние авангарда 20-х, благо начинала она в те времена. Хотя некоторые вещи были замечательные, но всё же не гениальные. Валерия попила с ней чаю, незаметно сунула под блюдце деньги и, уходя, подумала: «Что со всем этим будет?!»

А через несколько месяцев художница умерла, мастерская досталась «вслед идущему и в затылок дышащему», а Валерия узнала: основную массу работ сожгли во дворе дома. Она вспомнила, как поразил её когда-то рассказ подруги — точно так же сожгли они с сестрой почти всю переписку покойных родителей: «А куда девать? Жить-то самим надо. Плакали и жгли».

Вот эти «московские картинки», надоевшая повторяемость учебного процесса среди снегов, одиночество, которое Валерия раньше принимала за свободу, вызвали у неё такую меланхолию, что иначе как депрессией её не назовёшь. Вдохновение покинуло её, картины скучнели, засушивались, повторялись, захламляли мастерскую. Покупатели находились всё реже, галеристы теряли интерес...

— Так стоит ли добавлять мусор в мировую помойку? — беспощадно спрашивала она себя. Окончательно решить это она надеялась в музее Прадо.

Часть II

Те, кто часто летают над Атлантикой, знают, как случайный попутчик может отравить весь полёт: то спать не даст пустословием, то храпит над ухом, то толкается, выдавливая тебя с законного подлокотника. В тот раз Валерия получила сполна. В салоне самолёта уже устроилась толстая линиялая девица, вскормленная Макдональдсом. Бедра её массивными складками расползлись на соседнее, ещё пустое сидение.

— Чур меня, чур меня, — взмолилась Валерия, — только бы не рядом.

Место у Леры оказалось впереди, и она даже улыбнулась девице, но радость была преждевременной. Как только разрешили отстегнуться, попутчица зашевелилась, словно растревоженный бегемот, встала и, обманутая улыбкой Валерии склонилась над ней. Через несколько минут стало известно: это её первая поездка в Европу, что бой-фрэнда у неё нет, что, впрочем объединяло её с Валерией, и работает она секретаршей в мэрии захолустного городка под Виннипегом. «Могу себе представить эту Богом забытую дыру», — раздражённо думала Валерия.

Только она сползла на сон, как стюардессы начали разносить завтрак и с шумом открывать шторы иллюминаторов. Яркий рассвет ре-

зал глаза, как будто в них накидали песок.

Вместо того чтобы позаботиться о ночлеге, Валерия отправилась гулять по Мадриду — в надежде побороть джетлаг. К вечеру выяснилось: найти пристанище будет трудно. В туристическом агентстве образовалась большая очередь взволнованных путешественников. Впереди Валерия увидела соседку по самолёту. Та тоже её узнала, обрадовалась и замахала, приглашая присоединиться. Не успела Лера подойти, как клерк объявил — освободилась одна комната, две кровати в хостеле.

— Надо брать! — воскликнула Нэнси, так звали попутчицу. — Я здесь торчу уже несколько часов и ничего...

Перспектива ночевать с малоизвестным и малокультурным человеком в одной комнате Леру не привлекала, но, по всей видимости, это был последний шанс не остаться на улице.

Хостел в центре города был похож на рисунки Эшера. Основная, как ствол дерева, лестница проходила внутри старого, обшарпанного здания. От неё, наподобие ветвей, отходили второстепенные лестницы, ведущие к межэтажным помещениям. Временами — и без всяких видимых причин — лестницы бестолково выползали на улицу и снова ныряли внутрь. Хотя уже было за полночь, духота, смешанная с дымом сигарет, потом, запахом жареных сардин, марихуаны и любовными стонами, наполняли колодец Эшеровских лабиринтов. Главной достопримеча-

тельностью в вытянутой колбасой комнате был подиум без стен и дверей, на котором, как трон, возвышался выдавший виды унитаз.

— Королевский унитаз — испанский, — сказала Валерия, и обе рассмеялись.

Было ещё темно, когда она проснулась. Разбудила её невыносимая духота и басовитый злобный лай. С грохотом открылась железная ставня, и послышалась ругань, вероятно, адресованная собаке. Ругались на испанском — жёстко и ритмично — казалось, читают стихи. Заснуть снова не удалось, и она стала воображать, как сегодня в музее Прадо увидит знаменитую картину — «Менины».

Под утро Нэнси проснулась отдохнувшей и, заметив, что Валерия не спит, обрадовалась. Теперь, как ей казалось, проведённая вместе ночь сблизила их, и она продолжила рассказ с того места, где Валерия прервала его на пути в Мадрид... Оказалась, у неё была одна, но пламенная страсть. Она обожала изобразительное искусство, брала курсы рисования, срисовывала с открыток цветы и пейзажи.

Валерия стала проваливаться в сон. Сквозь дрему до неё доносилось бухтение Нэнси:

— У нас в офисе делали ремонт, и босс попросил художника, который красил помещение, нарисовать на стене картину позади моего стола. Я была в отпуске, а когда вернулась — этот пейзаж меня потряс! Я даже расплакалась! Все думали, что у меня что-то случилось, а я плакала... от красоты.

Валерия приоткрыла один глаз:

— Вы что, от всякой красоты так себя ведёте? — подозрительно спросила она.

— Что вы! Только от красоты искусства.

— Так вы, должно быть, рыдаете каждый раз, когда видите, ну, скажем, Рембрандта или Матисса, — продолжала ехидничать Валерия, разгневанная недосыпом и этой белибердой.

— Нет, — наконец обиделась Нэнси, — я просто ничего красивей, чем тот пейзаж, в жизни не видела. Там всё наше — лес, озеро, закат — всё, как в жизни!

— А как же всё-таки Рембрандт, Микеланджело, Веласкес, в конце концов, коль уж мы в Испании, — не унималась Валерия, понимая, что поспать ей всё равно не удастся.

Уже расплатившись за ночлег и чувствуя себя обязанной Нэнси хоть и за «дырявую», но крышу над головой, Валерия решила подсластить пилюлю.

— А вы знаете, Нэнси, мы ведь коллеги. Я тоже рисую.

Нэнси тут же забыла обиду, заулыбалась, засветилась... Оказывается, она была вся в чудесных ямочках-изюминках, хоть булку выпекай. (Валерия только сейчас на неё по-настоящему посмотрела). Мир был восстановлен. Они распрощались в холле, и через несколько минут Валерия нашла пристойный отель в соседнем квартале. Она проспала несколько часов, после чего отправилась в музей.

Она бродила по залам и понимала: таких музеев ей ещё видеть не

приходилось. Там, что называется — шедевр на шедевре, шедевром погоняет. Валерия вошла в зал и... увидела «Менины».

По репродукциям «Менины» представлялись ей небольшим полотном, а в жизни это оказалась большая картина, из которой струился тёплый магический свет. На первый взгляд, было ясно: Веласкес изобразил себя в левом углу, перед холстом, повернутым спиной к зрителю. Получалась та самая картина в картине — любимый приём Веласкеса, о котором говорила Инесса Гансовна. Взгляд художника фиксировал невидимую точку за пределами холста. В ту же точку устремился взор инфанты — волшебной девочки с отстранённым выражением лица.

Неожиданно Валерия обнаружила: на заднем плане, среди едва проступающих в темноте очертаний картин, одна мерцает особым блеском. Оказывается, то, что она всегда принимала за живописный портрет короля и королевы, было их отражением в зеркале на стене, а сами они на картине не присутствовали!

Валерия ужасно разволновалась в предчувствии красивой, как говорят математики, задачи.

«Вообще, — думала она, — как только появляется зеркало, возникает зазеркалье, а на эту тему всегда легко пофилософствовать. А тут не то, чтобы к решению приблизится, тут бы условие задачи понять».

Король и королева оказались самыми второстепенными персонажами населённой придворными композициями. Едва отражённые в

зеркале, Филипп IV и Марианна Австрийская ушли в небытие, чтобы существовать в виртуальном пространстве этого шедевра.

«Итак, мы имеем дело с первым виртуальным пространством, а в точке пересечения взглядов главных действующих лиц нахожусь Я, занимая место королевской четы! Картина основана на визуальном каламбуре: Веласкес обессмертил себя, сделав моделью зрителя, и, таким образом, остался в диалоге с потомками на все времена...» — заключила Валерия.

Ей казалось, что простояла она у картины несколько часов. Гул голосов в зале то нарастал, то убывал — в зависимости от наплыва публики. Похоже, другие картины мало кого интересовали — толпа чувствовала значение «Менин». Загадка, спрятанная в картине, казалось, была разгадана. Лере было невдомёк: такое объяснение, которое она придумала, уже предлагалось искусствоведами. Но как раз ту часть лекции она проспала. Тем не менее, она понимала: любая версия не приближает её к главному: к тайне создания шедевра, к замесу, из которого лепится гениальное, если такая формула вообще существует! От напряжения глаза её наполнились влагой, контуры изображения словно распались, превратившись в единый космический узор, выявивший отвлечённую абстрактную сущность композиции.

Постепенно Валерия приходила в себя и, возвращаясь в реальный мир, услышала за спиной всхлипыванье. Позади, не узнавая её, стояла

Нэнси, голова которой была чуть запрокинута вверх. Из беззащитных, широко открытых глаз текли слёзы и, срываясь с полных щёк, затекали в декольте майки. Лицо её было почти красивым.

«Вот, что такое сила искусства...» — не преминула съязвить про себя Валерия и застыдилась... Всё-таки она несколько лет жила на Западе и отвыкла от московского снобизма. А вот теперь — и она туда же... Почему, собственно, эта, не по своей вине малоразвитая девушка, не может иметь такие же чувства перед лицом божественного творения?! Ей вдруг показалось, что они чем-то похожи, эти три белокурые женщины: инфанта Маргарита, Нэнси и Инесса Гансовна — все три во временном развитии! Тихонько, чтобы не вспугнуть девушку, Лера вышла из зала. Обесиленная, опустилась на скамью в соседней комнате и невидящими глазами уставилась на маловыразительный портрет оленя. На скамью рядом с ней села Нэнси. Женщины молчали. Внезапно Валерия сказала:

— Нельзя писать плохие картины, когда существуют такие шедевры. Даже такие, — она указала на портрет оленя, — тоже нельзя...

И столько горечи было в её голосе, что Нэнси оробела. Она попыталась что-то сказать, но Валерия отвернулась. Краем уха она слышала слоновью возню, тяжёлые шаги неподалёку и голос Нэнси:

— Валери, Валери, take it easy (успокойся). Оленя тоже нарисовал Веласкес!

— Ну и что?

— А то, что и у него не всегда шедевры получались! Главное, не бросать, не останавливаться! Ты ещё нарисуешь свою лучшую картину!

На музейных ступеньках, на горячем, почти летнем солнце грелись две женщины, радуясь, что зима отступила. Валерия рассказывала Нэнси об Инессе Гансовне, о Веласкесе, мечтавшем живописью обеспечить себе титул аристократа, о собственных догадках и даже о своей живописи...

Часть III

На следующий день Валерия приземлялась в Шереметьево. Глядя через иллюминатор, огорчалась: не удалось ей спрятаться от зимы: снег — грязный, подтаявший — рваными беспорядочными островками всё ещё укрывал землю.

Москва, как всегда, втянула её в водоворот пустых, но необходимых дел, так что на Новодевичье кладбище, где, кроме деда и няни, были похоронены её родители, выбралась она только через неделю. С ёлки, которую много лет назад посадили здесь няня с Лерой, свисали припорошённые снегом ветки, похожие на перевёрнутые олени рога. Валерия почистила варежкой невысокий обелиск, постояла немного и пошла бродить по аллеям. Погода была промозглая, но безветренная. Снег на могилах просел и потемнел. Вдруг, без всякого предупреждения, начался такой снегопад, что и зимой не всякий раз увидишь. Снежинки величиной с кофейное блюдце торжественно падали на землю, выбеливая могилы. Валерия

половила их на язык, радуясь вкусу детства. Такие же любительницы читать эпитафии и вычислять возраст усопших, как и её няня, гуляли среди могил. Даже кладбищенские рабочие в спецовках не переругивались, как это бывало прежде, а объяснялись жестами... Тут до неё дошло — они глухонемые! «Ничего себе. Пришло же кому-то в голову... Чтобы не нарушать, так сказать, вечный покой!»

Сквозь снежную пелену, которая становилась всё плотней, розовым камнем просвечивала колокольня. Разбелённые силуэты ёлок собрались серой группой на её фоне. Высокие берёзы целиком слились с пейзажем, и только чёрные мазки их стволов добавляли точки в белую стену хлопьев. Вдруг налетел ветер. Снежинки, как потревоженная стая прозрачных сардин в море, резко изменили направление, обнажив надпись на гранитном камне. Валерия прочла: «Инесса Гансовна Волина-Биндер». И даты.

За воротами кладбища вдоль крепостных стен неслись «Лexusсы», «Merседесы», едва выживающие «Жигули». Она купила в киоске телефонную карту и теперь, стоя у окна отремонтированной квартиры, наблюдала, как снег на глазах превращается в ливень. Она рассказывала Нэнси про Москву и про снег, про кладбище и про смерть преподавательницы. Когда она, наконец, замолчала, то услышала плач и представила, как Нэнси сидит в приёмной офиса под картиной «неописуемой красоты», где всё, как в жизни: и лес, и речка, и олень...